

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

НЕУВЕРЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (самосознание философа в современной России)

© С. А. Лишаев

Лишаев
Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор
профессор кафедры
философии
руководитель Центра
философских и эстетических
исследований
Самарская
гуманитарная академия
lishaevs@bk.ru

В статье рассматривается проблема философской идентичности в современной России. Исследуется феномен уклонения значительной части профессиональных философов от философской идентификации. Анализируются его мотивация, культурно-исторические, ментальные и институциональные основания, а также влияние на российское философское сообщество и на перспективы философского творчества.

Ключевые слова: философия, философское самосознание, философская идентичность, профессиональная философия, философское призвание, наука, знание, вопрошание, философское сообщество.

...Как только философы перестают философствовать: уходят в технику и становятся хранителями и комментаторами, то вопрос об идентичности сразу становится проблемой, так как встает вопрос: «А кто из нас философ?»

В. Е. Семенков. Философское знание¹

Есть что-то отталкивающее и сомнительное в понятии «профессиональная философия». <...> Сами профессиональные философы нередко подчеркивают, что они являются не более чем знатоками философии (ее историками), эрудитами, но не философами в подлинном смысле слова. Но откуда эта робость, это бессилие? Уже не одно поколение, вступающее в активную пору своей жизни, не может в полной мере проявить творческую силу.

Н. В. Гараджа. Лишний билетик на философский пароход²

Разлом между Абсолютным духом и позитивным знанием... это обнаружение трагического разлома между Небом и Землей, — между миром Горним и миром Дольним.

К. С. Пигров³

Не все философы одинаковы. Они говорят и пишут о разном и разном. Одни из них хорошо известны, другие знакомы только узкому кругу профессионалов, о третьих, за исключением коллег по кафедре, не знает никто. Но речь пойдет не о разнообразии предметов и способов философствования и не о механизмах философского признания, а о различных формах самосознания людей, работающих на философских кафедрах и имеющих странную «профессию» — философ.

Вопрос о самоидентичности людей, составляющих философское сообщество, не кажется мне второстепенным. От того, как они сознают себя, зависит и состояние современной философии, и жизнеспособность сообщества, и то место, которое философия занимает в обществе. Этот вопрос важен для любой культуры, в которой есть философия и философское сообщество, но в статье речь пойдет только о ситуации, сложившейся в России.

«А кто из нас философ?»

(К проблеме разрыва персональной и корпоративной идентичности)

Зададимся вопросом, который многих сегодня интересует. Как у нас обстоят дела с философской идентичностью? Какие у нее характеристики? Что ее определяет? Если попытаться ответить кратко, то философская самоидентичность в современной России характеризуется неопределенностью, неуверенностью и подвижностью. Значительная часть людей, институционально и профессионально принадлежащих к философскому сообществу (то есть работающих на кафедрах *философии*, читающих *философские* курсы, публикующих тексты в *философских* журналах и сборниках, числящихся в РФО), если верить тому, что *говорят они сами*, философами не являются. В философской среде (но не в

¹ Семенков В. Е. Философское знание: модусы производства и признания. СПб. : Алетей, 2011. С. 28.

² Гараджа Н. Лишний билетик на философский пароход. URL: <http://www.russ.ru/culture/20040914.html> (дата обращения: 02.12. 2014).

³ Пигров К. С. Предисловие // Философское знание... / В. Е. Семенков. С. 7.

среде физиков, историков, инженеров, врачей, художников, агрономов, водителей...) явно обнаруживается разрыв между содержанием работы, за которую работник получает зарплату, и тем, как он себя идентифицирует. Ситуация не лишена парадоксальности: один и тот же человек может признавать себя *членом профессионального философского сообщества* (а, стало быть, в этом качестве позиционировать себя в качестве философа) и в то же время не признавать себя философом, уклоняться от принадлежности к философам.

В чем выражается это уклонение? Хотя я и не располагаю точными социологическими данными по этому вопросу (едва ли такие исследования кем-то проводились), однако мой опыт общения с коллегами, подтверждаемый работами других авторов, касавшихся этой темы⁴, свидетельствует, что многие из них (пожалуй, даже *очень* многие) на вопрос: «Чем вы занимаетесь?», «Вы философ?» — от прямого ответа уходят, выбирая обтекаемые формулировки: «я преподаватель философии», «я специалист по феноменологии Гуссерля»... Признаюсь, что в прошлом и я склонен был отвечать на подобные вопросы аналогичным образом. И хотя ответы такого рода можно назвать уклончивыми, смысл этой уклончивости совершенно прозрачен: «да, моя работа *связана* с философией: я работаю на кафедре философии и преподаю/изучаю ее, я публикуюсь в академических изданиях, но на звание философа не притязую, философом назвать себя не могу/не решаюсь». Такой ответ рождает другой вопрос: «А что мешает вам считать себя философом?» И хотя сказать, что он замалчивается, нельзя, но и утверждать, что его обсуждают достаточно, если учесть важность и болезненность для философского сообщества этой темы, едва ли кто-то решится.

Как же мотивировано нежелание философов-по-месту-работы связывать себя с философией напрямую («я — философ»)? Какие последствия имеет этот «вежливый отказ» для «дела философии» и для сообщества? «Уклончивые речи» философов-по-профессии заставляют задуматься о специфике философского самосознания в эпоху его профессионализации и институционализации⁵, а также о том, как к этой уклончивой идентичности относиться тем, кто

⁴ В книге Вадима Семенкова, посвященной анализу современных философских практик и способам конституирования философского сообщества, уходу от философской идентичности уделяется значительное место. И надо сказать, Семенков оценивает тенденцию к уклонению (или, еще резче, отказу) от философской идентичности отрицательно, именуя ее «профессиональным инфантилизмом». «Инфантильность предполагает дистанцию и зазор между преподавателем философии и предметом своих практик. Эта дистанция не позволяет уходить целиком в эти практики, что выражается в формуле идентичности, такие исследователи уже не скажут о себе: «Я — философ», они определяют себя иначе: «Я работаю на философском факультете или я — научный сотрудник» (Семенков В. Е. Указ соч. С. 25).

⁵ Интересно, что люди, не принадлежащие к сообществу философов-профессионалов, но интересующиеся философией и пишущие тексты, которые они считают философскими, смело именуют себя философами и настаивают на том, чтобы их в этом качестве признали философы с университетскими дипломами. Они наводняют своими текстами Интернет и почтовые ящики людей, имеющих ученые степени. И хотя их надежды не сбываются, это не мешает им снова и снова предъявлять миру себя в качестве философов.

профессионально занимается философией? Какую позицию занять тому, кто хочет быть/стать философом? Можно ли утверждать, как это делает М. В. Михайлова, что для того, «чтобы быть философом, не обязательно позиционировать себя как философа»?⁶ Возможно, бывает так, что человек считает себя философом, но вовне как философа себя не позиционирует. Бывает так, что человек, не позиционирующий себя в качестве философа «на публике», становится признанным философом. Но и в этом последнем случае вопрос остается, поскольку непонятно, происходит ли это (философское признание) *благодаря* или *вопреки* уклонению от философской идентичности? Вопросов много, и все они заслуживают внимательного рассмотрения.

Идентичность за пределами академических институций и философская идентичность. То, что ситуация с философской самоидентичностью не рядовая, становится очевидным при ее сопоставлении с тем, как идентифицируют себя люди, занимающиеся не философией, а чем-то другим. Те, кто лечат людей, не сомневаются, что они — врачи. Человек, работающий в клинике, может сомневаться в том, что он *хороший* врач, но не в своей идентичности. Тех, кто лечит своих родных, близких и знакомых (и часто не без успеха), рекомендуя им пить отвары трав, принимать определенные лекарства, делать упражнения и т. д., в свободное от работы время, врачами не называют («тетя Даша посоветовала... И вы знаете, помогло!»). И сами они, домашние «лекари» (как, впрочем, и «народные целители»), врачами себя не называют. Но в том случае если человек зарабатывает на жизнь лечением больных как человек-с-дипломом, он будет именовать себя врачом и в общении с коллегами, и разговорах с людьми от медицины далекими (он будет делать это даже в том случае, если его рецепты помогают хуже, чем рекомендации тети Даши). Права лечить людей в рамках определенных институций («поликлиника», «клиника», «диагностический центр», «санаторий» и т. д.), которое дает соответствующий диплом, и опытом работы на «медицинской должности» вполне достаточно для того, чтобы идентифицировать себя с медициной. Аналогичным образом дело обстоит с инженерами, библиотекарями, пекарями, кондитерами, налоговыми инспекторами, военными, полицейскими, машинистами электропоездов, судьями, но... не с философами. Здесь все иначе. Человек и лекции по философии читает, и статьи в философские журналы отправляет, но философом называть себя не всегда решается.

Идентичность ученого и идентичность философа. Сравним теперь то, как решается вопрос о самоидентичности в академических институциях, где трудятся не только философы, но и биологи, филологи, социологи, физики, химики, etc. Интересно, что и здесь сохраняется та же ситуация, что и при сравнении философов со строителями, жокеями и летчиками по параметру самоидентификации. Преподаватели с исторических или математических кафедр (и с других кафедр также) на интересующий нас вопрос («Кто вы? Чем занимаетесь?») дадут ясный ответ: «Я историк», «Я математик». И даже если

⁶ Михайлова М. В. Эстетика молчания: Молчание как апофатическая форма духовного опыта. СПб.: РХГА, 2009. С. 9.

бы вузовский преподаватель-историк ответил несколько по-иному (например: «я медиевист», «я специалист по истории античности» и т. д.), его ответ имел бы тот же смысл, что и в первом случае. Когда историк называет себя медиевистом, он всего лишь *уточняет* ответ, указывая на область, в которой он *специализируется* (определение «медиевист» не означает ни для него самого, ни для тех, кто спрашивает, его уклонения от идентификации с историей).

В случае с представителем философского сообщества при внешне похожем ответе («я специалист по немецкой классической философии»; «я специалист по философии техники») смысл уточнения (сужения) области приложения усилий прямо противоположный: отвечающий в этом случае не подчеркивает свою философскую самоидентичность, не усиливает ответ (я не просто историк, я медиевист⁷), а ускользает от идентичности философа к идентичности ученого (специалиста). Если задать такому человеку уточняющий вопрос: «То есть вы философ?!» — велика вероятность легкого раздражения с его стороны на непонятливость вопрошающего, который так не деликатно углубляется в болезненную для философов-по-диплому область (демонстрируя тем самым, что он явно «не из наших»): «Послушайте, я же сказал вам, что я *историк* философии, *специалист* по немецкой классической философии. По-моему, я вполне ясно ответил».

Акцент на специализации, если его делает представитель институциональной философии (человек-с-кафедры-философии), демонстрирует склонность представлять (и сознавать себя) себя как ученого-специалиста, то есть как *исследователя и эксперта* в определенной предметной области, и дистанцироваться от образа *просто философа*. Разумеется, и философ — исследователь, но не всякий исследователь, даже если он пользуется философскими понятиями, — философ. Во всяком случае, философу представляться специалистом явно не с руки. Попробуйте сказать о Канте, что он был выдающимся *специалистом* по философии науки, этике и эстетике, и вы ощутите диссонанс. Так о Канте (и о любом другом *философе*) не скажешь. Узкая специализация, четкая очерченность и обозримость предмета исследовательского интереса — это характерные признаки профессионального самосознания человека науки, положительного ученого, но не философа. Философ — это философ. И точка.

Следовательно, если представитель философского сообщества позиционирует себя как специалист, это, скорее всего, свидетельствует о том, что он не готов определить свою деятельность и свои труды как философские. Смысл ухода в специализацию понятен: *узкий специалист — не философ, философ — не специалист*. Философия, само собой, не исключает специализации, углубления в какую-то философскую проблему, в изучение определенной области сущего с привлечением результатов, полученных в том числе в научных исследованиях⁸.

⁷ Когда ученый (в преподавательском ли или исследовательском срезе его профессиональной идентичности) сужает область своих интересов, он тем самым подчеркивает свою профессиональную идентичность (он не школьный историк, он — медиевист).

⁸ Все дело в том, как проводится исследование. Рассмотрение вопроса, относящегося с формальной точки зрения к истории философии, может иметь философский характер в том случае, если исследователем движет философский интерес, который он удовлетворяет через рассмотрение каких-то произведений (идей) мыслителей прошлого

Но такое углубление не изолирует философствующего от философской проблематики в целом. Философские, мета-физические *вопросы* можно продумывать, отправляясь от разных предметных областей. Но, продумывая их, философ не замыкается на познании сущего (никакая предметная область, никакое сущее не интересуют его сами в себе, сами по себе). Тот, кто интересуется сущим безотносительно к постановке метафизического вопроса, перестает быть философом и становится ученым (искусствоведом, историком, социологом, теоретиком культуры и т. д.). Философским (метафизическим) можно назвать такой вопрос, который подвешивает сущее и втягивает вопрошающего в обсуждение всей философской проблематики в целом (не всегда это втягивание дано актуально, эксплицитно, но оно всегда возможно, оно предполагается)⁹.

Когда философ-по-диплому-и-по-месту-работы именуется себя «специалистом по...», он таким образом *демонстрирует свою неготовность к самоопределению в качестве философа*. Когда на прямой вопрос («Вы философ?») он не отвечает «да», не указывает область *философского вопрошания*, а переводит внимание собеседника на свою исследовательскую специализацию (беря за основу членение философии, определяемое сеткой учебных дисциплин и привязанных к ним разграничений в области академически структурируемых философских исследований), это свидетельствует о его неготовности именовать себя философом. Он предпочитает неопределенности определенность, философии — науку.

Такой человек, с одной стороны, признает свою принадлежность к сообществу (к сообществу профессиональных философов), с другой — переводит внимание с собственно философских вопросов на исследование конкретных предметных областей, в которых философские понятия могут использоваться в качестве методологического инструментария. Такой ответ («я специалист по...») — это именно уклонение, а не прямой отказ от философской идентичности¹⁰. «Философ-специалист», утверждающий, что он «занимается философией техники», «специализируется на философии языка», «на изучении русской философии начала XX века», свидетельствует о своей причастности к философии

го. Но на практике большая часть работ, посвященная исследованию философских текстов, созданных в прошлом, — это именно историко-философские работы, для которых знание и понимание идей какого-то мыслителя, школы, направления не средство продумывания философского вопроса, а самоцель. Аналогичным образом обстоит дело и в других дисциплинарных областях: в философии искусства, философии техники, философии культуры и т. д.

⁹ Сошлемся на авторитетное суждение Мартина Хайдеггера: «Во-первых, всякий метафизический вопрос всегда охватывает метафизическую проблематику в целом. Он всегда и идет от этого самого целого. Во-вторых, всякий метафизический вопрос может быть задан только так, что спрашивающий — в качестве спрашивающего — тоже вовлекается в него, т. е. тоже попадает под вопрос» (*Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 16).

¹⁰ Мне лично приходилось сталкиваться с людьми, которые имели философскую степень, но при этом были лишены философского темперамента и рассматривали философию как часть истории культуры (они считали, что философия, философское творчество в современном мире невозможны), а себя идентифицировали как ученых, для которых философия — объект научного исследования, подобно алхимии или магии...

(к сообществу философов-профессионалов), но уклоняется от прямого отождествления с ней: «В строгом смысле — я не философ. Я изучал и изучаю философию, я ее в какой-то мере знаю, я занимаюсь исследованиями, опираясь на философские тексты, но я не ставлю философских вопросов, не выдвигаю новых идей, не творю философию. Я не могу отождествить использование философских знаний в исследовательской работе с философией».

Преподаватель и/или философ? Еще более очевидно уклонение от философской идентичности в том случае, когда человек-с-кафедры именует себя преподавателем философии (по моим наблюдениям, это наиболее распространенная форма уклонения). Подтекст тот же, что и при уклонении в «специалисты по»: «Я учился философии, я до некоторой степени знаю ее и способен преподавать, но сказать, что я философ — не могу». Ситуация здесь отлична от идентичности преподавателя истории, математики, филологии, физики... Хотя идентичность историка и предполагает различие между преподавателем истории и ее исследователем, но при этом *историками сознают себя оба*: и тот, кто преподает историю (в школе или вузе), и тот, кто ее исследует. Все дело в том, что в фокусе положительных наук находится *знание*. И *владение* знанием в определенной предметной области (дающее возможность и право преподавать определенную дисциплину), и *способность к расширению* нашего познания дают основания для утверждения: «я историк», «я физик», «я биолог». Есть, конечно, определенное различие между школьным (или вузовским) преподавателем, идентифицирующим себя с предметом («я историк»), и тем человеком, который говорит: «Я учитель истории». Разница есть, но она почти не ощутима (один связывает себя с тем, *что* он преподает, другой — с тем, что он *преподает*). За вторым вариантом ответа не стоит отрицание идентичности по предмету (выдвижение на первый план учительства не исключает идентичности историка; тот же человек в другой раз, когда вместе собралась учительская компания, может сказать: «Я историк»). У людей с кафедры философии все иначе. Высказывание «Я преподаватель философии» означает иное: «я не философ» или — мягче — «я не философ в строгом смысле слова».

Преподаватель философии, в отличие от преподавателей положительных наук, хорошо осознает разницу между философскими знаниями и философской техникой, между обучением всему этому других людей и философией как вопрошанием и творчеством понятий, теорий. Он сознает (или ухватывает интуитивно), что знающий философию (философии-вед) — еще не философ. Можно научить философским знаниям и технике, но не философии. В ее основании лежит удивление и особый дар ставить и решать неразрешимые вопросы. Философом может быть тот, кто свободен от философского знания (хотя и владеет им), кто совершает усилие по расширению пространства вопрошания и понимания.

«Я не я...», или Чем мотивирован уход?

Уклонение от философской идентичности («я специалист по... такой-то философии», «по философии такого-то», «я преподаватель философии») — весьма болезненный момент в жизни философского сообщества. Как понять нежелание значительной части философов по-месту-работы именовать себя

философами? Чем оно мотивировано? Рассмотрим (в общем плане, избегая детализации) три наиболее существенных типа мотивации уклонения от философской идентичности.

1) **Философия — дар и призвание.** Первый тип мотивации определяется представлением о высокомо предназначении философии. В этом случае исходят из того, что философия — это не рядовое занятие; чтобы ей заниматься, требуются талант и призвание. И хотя «каждый человек по преимуществу философ»¹¹, но делом жизни философия становится для немногих. Еще меньше тех, кто, «посвятив себя философии», добивается результатов, значимых не только для него самого, но и для других людей. Кто мы такие, чтобы именоваться философами и ставить себя рядом с Платоном и Кантом, с Флоренским и Хайдеггером?

В России, где много людей, которые, несмотря на резкую ломку традиционных представлений, до сих пор сохраняют религиозно-метафизическую установку сознания, это довольно распространенное представление. Человек, который отказывается от звания философа, имея на руках диплом выпускника философского факультета, кандидата (или доктора) философских наук и работая на кафедре философии, делает это потому, что исходит из представления о философии как о занятии, предполагающем особое дарование, особые способности. Философия в этом случае соотносится с тем, «чему нельзя научить/научиться», с тем, что «дано или не дано»¹². Отсюда делается вывод: философов много быть не может¹³. На фабриках образования (в вузах) можно десятками и

¹¹ Пигров К. С. Указ. соч. С. 6.

¹² «Философия как профессия находится в том же ряду, что музыка или живопись. Как и в любом искусстве, составляющая призвания, дара оказывается много важнее, чем составляющая ремесла. Ремеслу можно научить если не любого, то очень многих, было бы желание. Каждый может научиться сносно играть на рояле или рисовать. Но уметь рисовать — это не значит быть художником. Напротив, человек сколько угодно может хотеть быть художником или философом, но если он им уже не является, то он им и не станет никогда. Конечно, существуют и художественные школы, и философские факультеты, но их деятельность сводится к культивированию природных дарований, сообщению правил ремесла и цеховых традиций. Сделать художником или философом человека изначально неспособного они не смогут. Так что философия обладает свойствами так называемых творческих профессий, где велико напряжение между ремеслом и одаренностью. Философский дар — такая же редкость и драгоценность, как талант художественный или музыкальный. В философии, как и во всяком искусстве, много званных, но мало избранных» (Михайлова М. В. Указ соч. С. 10–11).

¹³ Сошлюсь на свой опыт участия во II Всероссийском философском конгрессе в Екатеринбурге (1999). До этого времени на столь массовых философских мероприятиях мне бывать не приходилось. Самое большое впечатление произвело пленарное заседание конгресса. Пожалуй, его можно описать словами «недоумение», «когнитивный диссонанс». Впечатление было связано не с качеством докладов, а с количеством философов. В огромном зале (кажется, это был дворец культуры или концертный зал) собралось множество людей. Вероятно, больше тысячи. Думаю, у многих возник вопрос: «Неужели все это философы?». Вид сотен людей вступал в противоречие с представлением о философии и философах. Он его разрушал. Нужно было или отказаться от сложившегося представления о философии, или провести разграничение внутри сообщества философов-по-профессии.

сотнями «выпускать» преподавателей, способных транслировать философию как особое знание, можно готовить исследователей, опирающихся на философскую методологию, но поставить на поток подготовку философов — невозможно.

Вот почему люди, которые держатся возвышенного представления о философии, полагают, что далеко не каждый, кто является философом по профессии, кто *занимается* философией, изучает ее, может быть назван философом по гамбургскому счету. Специальные (профессиональные) знания и навыки, полагают они, необходимы, без рутинного труда и в философии не обойтись, но всего этого недостаточно для того, чтобы быть философом. Философия не только профессия, философия — талант и призвание. Требование профессионализма, когда оно чрезмерно, противоречит предназначению философа: ставить метафизические вопросы, искать на них ответы и *создавать новые дискурсивные возможности* как для философии, так и для гуманитарных наук. Можно (в принципе) не быть философом-профессионалом, не работать в университете и, тем не менее, состояться в качестве философа (в прошлом это случалось нередко). А можно работать на кафедре философии, быть профессионалом в философии и... не быть философом по существу дела. Не стоит практиковать легковесный подход к философской идентификации, нельзя допустить дальнейшей инфляции понятия «философ».

Аттестовать себя как философа, полагают люди, мотивированные высоким представлением о философии, — верх самонадеянности. Следует быть скромнее и именовать себя сообразно положению — «преподавателем», «специалистом по...». Дипломированного философа можно считать вменяемым («помнящим себя») в том случае, если он не отождествляет своей «специальности по диплому» (диплому специалиста, бакалавра, магистра, к. ф. н., д. ф. н.) и своего места работы с философией как таковой, с философским творчеством. Претензия на звание философа воспринимается с данной позиции как заведомо ложная; обличающая ее носителя в нарциссической самовлюбленности и неразвитости у него рефлексивного начала (а для интеллектуала это — смертный грех). Называть себя философом, особенно если у тебя нет философского имени (а у кого оно есть?), в кругу людей, профессионально занимающихся философией, и при этом не дискредитировать себя — почти невозможно. Другие могут назвать собеседника философом, но тот, кого именуют философом, должен от таких авансов вежливо отказываться (отшучиваться), демонстрируя свою адекватность, вменяемость.

С рассмотренной выше позиции уклончивая самоидентификация людей, входящих в философское сообщество, — это данность. Преодолеть ее невозможно. Ситуация неопределенной самоидентичности в философской среде (как и среди людей искусства) неустраима. И стремиться к избавлению о нее нет смысла. У занимающего должность старшего преподавателя (доцента, профессора кафедры философии) самосознание работает в двух режимах: в формально-институциональном (кто ты для государства, администрации вуза, для внешнего пространства) и в неформальном (как ты себя сам считаешь, кем ты себя считаешь «не по должности, а по душе»). Если институциональную идентификацию человеку-с-кафедры признавать, пожалуй, следует (как и защищать интересы своего сообщества «во внешнем мире»), то с персональным само-определением нужно быть осторожным, чтобы не оказаться в смешном

положении. Даже если человек-с-кафедры *искренне желает быть философом* (а не только «преподавателем философии») и предпринимает для этого усилия (создает тексты, которые он сам и «другие» могли бы квалифицировать как «философские»), именовать себя философом ему все-таки не следует. Если человек воспринимает философию как «сакральную» составляющую культуры (как Философию) и связывает философствование с призванием, он *не может отождествлять ее с философией как с довольно распространенной профессией*¹⁴ (где мирно уживаются философы, преподаватели философии и специалисты-исследователи). И совершенно нормально, если философ-по-диплому, сознавая отсутствие у себя этого дара, отказывается именовать себя философом. В современном мире философскому сообществу было бы трудно воспроизводить себя, если бы оно не пользовалось *панцирем институциональных форм*. Философия как знание — это доспехи, защищающие от неблагоприятных условий «среды». Именно в этом качестве философия еще может найти пристанище под сводами университетских аудиторий, сохранив, благодаря доспехам, свое живое средоточие: не-знание, удивление, вопрошание, творчество. Ведь Истина (для философии) — не знание. Истина присутствует в вопрошании об Истине.

2) *Все в прошлом.*

Важнейшим результатом этой новой точки зрения, вернее, этого нового включения в культурный процесс были полный отказ от создания произведений искусства, постепенное освобождение людей высокодуховных от мирских дел и — что не менее важно и как венец всего этого — игра в бисер. <...> Мы думаем, что видим на свой лад — конечно, на свой нетворческий, эпигонский, но почтительный лад! — картину унаследованной нами культуры чище и правильнее.

*Герман Гессе. Игра в бисер*¹⁵

Уклонение от жесткой формы самоидентичности может также мотивироваться *скептическим отношением к настоящему и будущему философии*. Такое отношение определяется представлением о том, что философский период истории завершен. В качестве живого и творческого феномена философия *принадлежит прошлому* европейской культуры. Мы живем в нефилософскую эпоху. Когда-то философия и философы были востребованы, нужны, поскольку существовал запрос на философское осмысление мира, на философский ум (так было в античности, так было в Новое время). Но времена изменились, философия перестала цвести и плодоносить. XXI век — это век науки и техники, а не религии, философии и искусства. Научно-техническое творчество и технологические инновации возобладали над иными формами творческого поведения. Не идеи, а технологии определяют наше настоящее и будущее. Технологии экономические, политические, социальные, педагогические, эстетические, правовые... И хотя по инерции за фундаментальными научными исследовани-

¹⁴ Профессиональных философов у нас значительно больше, чем космонавтов или, скажем, канатоходцев.

¹⁵ *Гессе Г. Игра в бисер* : роман. М. : АСТ, 2004. С. 18—19.

ямы в этих областях еще признают право на существование, но их финансирование год от года сокращается. Если будущее гуманитарных наук под вопросом, то что в такой ситуации говорить о философии?

Разумеется, что-то можно делать и на руинах философии, но результаты будут ничтожны (в плане философского веса таких трудов). Ничтожны они будут не потому, что нет подходящих для этого дарований, а потому что атмосфера в обществе не благоприятствует философии. Последним из великих представителей философии-в-цвету был Гегель. Все, что было позже, — это более или менее успешные попытки создания философии после философии (эту философию именуют «неклассической», «постклассической», «постнеклассической»). Поворот «от философии» к иному (к науке, к вере, к мифу) был осознан еще в XIX-м веке (вспомним К. Маркса, позитивистов, позднего Шеллинга, Кьеркегора). Некоторые из попыток переучреждения философии «на развалинах метафизики» вполне можно признать интересными и заслуживающими внимания. Но к началу XXI века и они, как полагают сторонники скептической позиции, сходят на нет. Современная цивилизация к философским вопросам равнодушна.

И если «философия» сегодня все же возможна, то в форме *истории философии* как учебной (и научной) дисциплины, преподаваемой в университетах (древнегреческий в университетах тоже ведь изучают, хотя язык давно мертв и на нем не говорят и не пишут, но без него историкам и филологам никак не обойтись).

Что из этого следует? Только то, что именоваться философом сегодня — значит обманывать себя (вводить в заблуждение) и обманывать (невольно) окружающих, предаваясь иллюзиям и демонстрируя свою профессиональную некомпетентность, свою интеллектуальную несостоятельность. Философов нет, есть преподаватели философии или ее исследователи (ученые, специализирующиеся на изучении истории философии). Два модуса институциональной философии нередко соединяются в одном человеке. Университетский философ сегодня — это и то, и другое вместе. Так и следует именовать тех, кто знает и ценит философское наследие европейской культуры.

Изложенная выше позиция коренится в том понимании европейской культуры и истории, которое связано с именами К. Леонтьева, О. Шпенглера, Г. Гессе¹⁶ и др. Философия заслуживает внимания ради нее самой (она — выражение европейской культуры, а культура — это то, что препятствует варваризации). Сегодня она возможна только как хранимая философия. Для ведающих философию (для «философии-ведов»), для специалистов по истории философии рабочие места в Музее европейской культуры всегда найдутся.

¹⁶ Оценивая современную ему европейскую культуру как «фельетонную эпоху», Гессе (в своем знаменитом романе «Игра в бисер») описывает альтернативу эпохе упадка. Такой альтернативой в романе оказывается Педагогическая провинция как государство в государстве (так называемая Касталля). Касталля, описанная Гессе как своего рода Ноев ковчег культуры, сохраняет, инвентаризирует, изучает, соотносит друг с другом разные ее элементы («игра в бисер»), но ее служители не создают новых ценностей (новой музыки, новой философии, нового богословия); они лишь противостоят одичанию, сохраняя то, что было создано в давно минувшие «творческие эпохи». Возрожденная духовность — это духовность хранителей, а не творцов, это новое (светское) жречество, новое священство. Они отправляют культ, в центре которого — Культура творческих эпох прошлого.

Хранители и учителя философии, ее комментаторы и интерпретаторы — это люди, способные донести наследие прошлого до молодого поколения. Они выносят из огня то, что еще можно спасти. Возможно (кто это знает?), когда-нибудь философия возродится, и тогда будет кому помянуть добрым словом ее бескорыстных хранителей.

3) **Обчинка и выделка (прагматика выбора).** Первая и вторая мотивировки уклонения от философской идентичности имеют идеологическое обоснование. Они отправляются от определенного понимания философии и того, какое место она занимает в культуре. Но есть и еще одна мотивировка уклонения от философии. Она фундирована прагматически. Уклонение от философского само-определения обусловлено в этом случае «экономическим» дискурсом, разворачивающимся на территории, размеченной терминами энергетических и временных затрат, издержек и риска, адекватного вознаграждения за труд, довольства/недовольства собой, социальной востребованности и т. п. Иначе говоря, он мотивирован «житейскими соображениями».

Уклонение от философской идентичности определяется здесь (при данной мотивировке) осознанием того, что заявка на «собственное философское суждение» экзистенциально затратна и рискованна. Она сложна в воплощении, а возможность достижения осязаемого результата для выбравшего «путь философа», всегда под вопросом. Добиться признания в качестве философа со стороны философского сообщества, где преобладают преподаватели и специалисты (хранители философии), проблематично («потратишь жизнь и не поймешь, сделал ли ты что-то стоящее или заблудился в трех соснах...»). Заявку претендента они, скорее всего, проигнорируют, а если и удостоят рассмотрения, то, вероятно, оспорят. Такая реакция на заявку претендента вполне естественна. Ее следует ожидать и со стороны просто философов (то есть тех немногих, кто получил, хотя бы отчасти, признание), не склонных с легкостью принять в свой круг соискателя, и со стороны преподавателей и исследователей (историков философии). Зачем преподавателю тратить время на изучение еще не признанного автора, если есть множество тех, кто уже признан? К тому же новое, если оно действительно новое, ставит под вопрос устоявшиеся представления, а потому преподаватели и знатоки встречают философские новации скептически.

Хорошо сознавая зыбкость общественно признанного результата своих усилий и не имея такого влечения к истине, которое заставило бы пренебречь практическими соображениями, человек-с-кафедры-философии предпочитает уклониться от принятия обязательств, в выполнении которых он имеет основания сомневаться. Философское самоопределение *слишком* обязывает, требуя больших усилий и мало что предлагая в качестве поощрения. Объявивший себя философом вольно или невольно вступает в борьбу за признание («назвался груздем — полезай в кузов!»)¹⁷. (Человек ищет признания, потому

¹⁷ Любопытно ироническое, но точное деление всех соискателей признания на «эфимеров» и «посмертников», принадлежащее Александру Секацкому. К первым относятся представители массовой культуры. Философы же, само собой, попадают в категорию «посмертников» (Секацкий А. К. Прикладная метафизика. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 77–81).

что он слаб. Это так. Но жажду признания питает не только честолюбие и тщеславие... Признание необходимо философствующему для дальнейшего движения вперед. Ему важно чувствовать, что его усилия имеют смысл, что он не заблудился в лабиринте понятий.) К борьбе готовы не все. Тем более к борьбе одинокой, когда непонятно, движешься ты вперед или стоишь на месте, где гипотетический «успех» мало что меняет в повседневной жизни «успешного». Нет ничего удивительного в том, что многие члены философского сообщества, трезво оценив свои силы и возможности, предпочитают позицию «преподавателя» (и/или «специалиста по») как более безопасную и спокойную.

Спокойная жизнь в «предгорьях» философии привлекательна еще и тем, что позволяет сохранить надежду, что когда-нибудь потом, когда для этого появятся условия, можно будет попытаться счастье и отправиться в горы, сменив уют обжитых пространств культуры на рискованную позицию философа.

Прагматически мотивированное уклонение от философской самоидентификации предполагает такую профессионально-корпоративную среду, в которой (по умолчанию) принято считать, что философ — это тот, кто мыслит самостоятельно, кто открывает новые философские горизонты. В Российском философском сообществе эта связка (философия-вопросание-творчество) доминирует. Она поддерживается как пассионариями, решившимися именовать себя философами, так и теми, кто уклоняется от философской самоидентификации. Прагматически мотивированное уклонение от идентичности нередко сочетается с первым или вторым типами мотивации, которые годятся для их «идейного прикрытия».

Использование первых двух типов мотивации позволяет «сохранить лицо» в том случае, если «прагматическое обоснование» ощущается как сомнительное, недостаточное. Сакрализация фигуры философа (как и отнесение философского творчества в прошлое) позволяет оправдать собственную слабость и немотивированность поиском Истины (мудрости) и неготовность к бескорыстному мыслительному усилию. Как видим, идейная мотивировка в этом случае дает санкцию на житейское по своим основаниям уклонение от философской идентичности.

Уклонение от философской идентичности как модель поведения профессионального философа: pro et contra

...Всякий пишущий и говорящий знает, что лишь иногда истина благосклонно позволяет уловить себя в сети слов, значительно чаще она ускользает...

*М. Михайлова. Эстетика молчания*¹⁸

Перейдем к осмыслению того, как феномен *неопределенной* или, иначе, *мягкой* модели идентичности влияет на продуктивность мышления отечественных философов и на их положение в обществе.

Не следует упускать из виду, что анализ мотивации поведения *не может заменить его анализа и его оценки*. Важно понять, адекватно ли оно ситуации

¹⁸ Михайлова М. В. Указ. соч. С. 13.

(ситуации, в которой находится профессиональный философ) и каковы последствия уклонения от философской идентичности для жизни сообщества, а стало быть, и для философии, которая без сообщества существовать не сможет.

Признать ли нам уклоняющуюся идентичность положительно воздействующей на философию, философа и сообщество или, напротив, отрицательной? Pro или Contra?

1. **Pro.** В уклонении от жесткой модели самоидентификации нет ничего плохого. Такое уклонение (как бы оно не было мотивировано) отражает реальную ситуацию в нашем сообществе. Среди тех, кто принадлежит к нему, оригинальных мыслителей и творцов немного. Уклоняясь от прямой формы философской идентичности, философы-по-месту-работы просто демонстрируют трезвость и здравомыслие. Отказываясь смешивать институциональную принадлежность к философскому сообществу с принадлежностью к сообществу философов-по-существу-дела, они очищают нравственную атмосферу кафедр и факультетов от самонадеянности и лицемерия. И это не может не радовать. В современном мире симуляций и без того хватает.

Очевидно, что подготовка философов-по-диплому предполагает выход из стен университетов людей, способных преподавать философию, но никак не философов. Аспирантура выполняет функцию института повышения квалификации для преподавателей философии и развивает навыки исследовательской работы. В ходе написания диссертации и ее защиты соискатели ученой степени демонстрируют способность работать со специальной литературой и исследовать (анализировать) какую-то тему (именно тему, поскольку проблемы ставятся редко).

Докторантура отличается от аспирантуры, по сути, лишь более высоким уровнем профессиональных требований. Но и от докторанта никто не ждет демонстрации философского темперамента. Защита докторской требует от соискателя способности к самостоятельному исследованию философской или историко-философской проблемы (предполагается, что докторская не должна быть реферативной работой). Текст диссертации должен показывать (но не всегда это делает), что соискатель состоялся как исследователь, как специалист в определенной области философского знания.

Иногда в докторских и кандидатских работах встречается и собственно философская (а не только научно-исследовательская) постановка вопроса, но для диссертационных советов и для самих диссертантов это «тяжелый случай». Философские выплески в формате диссертации затрудняют их оценку, а, стало быть, успешное прохождение через процедуру защиты и утверждения ее результатов в ВАК. В общем и целом докторанты и их консультанты предпочитают не рисковать и избегают «философствования», откладывая вольное вопрошание и высказывание «на потом». Предосторожность вполне разумная, если соискатель нацелен на достижение институционально значимого результата, то есть на успешную защиту и получение ученой степени. Трудно было бы ожидать от диссертационных советов, чтобы они заняли иную позицию. Диссертационные советы не призваны к тому, чтобы отделять философов от нефилософов. Они призваны тестировать уровень профессиональной квалификации (беда лишь в том, что с этой задачей они справляются скорее плохо,

чем хорошо). Не более, но и не менее. Их задача — служить фильтром, отсекающим тех, кто не владеет в избранной области философского знания специальной литературой и философской техникой, философским языком, кто не способен исследовать те или иные проблемы с опорой на философские тексты, от тех, кто всем этим (хуже или лучше) владеет и с исследовательским искусством справился.

Таким образом, система философского образования и подготовки «научно-педагогических кадров» в магистратуре, аспирантуре и докторантуре не предполагает (и не может предполагать), что «на выходе» общество получит философа. Цель институциональных фильтров состоит в подготовке квалифицированных преподавателей и специалистов-исследователей, то есть ученых-гуманитариев, ориентированных на исследование предметных областей, размеченных философией, и способных использовать в своих исследованиях приемы и методы, сформированные философской традицией. Она удовлетворяет (с большим или меньшим успехом) запрос системы высшего образования на подготовку преподавателей и специалистов-исследователей в предметно-тематическом поле, сформированном философией.

Какие отсюда можно сделать выводы? Признать, что стремление значительной части сообщества уклониться от звания «философа» имеет под собой объективное основание. Люди, получившие философское образование, подготовлены к преподаванию философских дисциплин и к проведению исследований в предметных областях, тематизированных философской традицией, так что их *уклонение* от именованья себя философами *вполне обосновано*. Уклоняющиеся от философской идентичности проявляют *интеллектуальную честность и трезвость*. Философы-по-диплому удерживают различия между *собственно философией* и *работой в культурном поле*, определяемом философией, а также между высказываниями «о» философии (преподавание философии, изучение истории философии) и исследованиями с использованием философских понятий и собственно философией как радикальной проблематизацией сделанного, как открытием новых концептуально-тематических горизонтов. К практике преподавания по философии и к научно-исследовательской разработке тематических регионов, открытых философией, критерий профессионализма вполне применим. По этому критерию их можно оценивать, но эта оценка не может служить основанием для именованья человека философом. Философская квалификация — не гарантия философской состоятельности.

Не подлежит сомнению, что философ может обойтись как без философского диплома, так и без преподавания философии. Причем здесь нет необходимости ссылаться на древних (на Гераклита, Сократа или Платона), есть примеры и из более близкой к нам эпохи (Ф. Ницше, Л. Витгенштейн, В. Розанов, Л. Шестов, Н. Бердяев и др.).

Какой отсюда следует вывод? Понятия «философия» и «философ» находятся в свободном отношении к «философии-как-профессии», связь философа с институциональной философией желательна, но не обязательна. Верно и обратное: можно принадлежать к корпорации профессионалов в философии (преподавателей и исследователей) и не быть философом (творцом философских идей и понятий). Нет ничего странного (и предосудительного) в том, что

многие из тех, кто принадлежат к философам-по-профессии, отказываются признавать себя «философами». Не стоит именоваться философом тому, кто им не является. Уклонение от «лобовой» идентификации поддерживает авторитет философии в большом обществе (да и в самом сообществе) и препятствует разрушительному для ее авторитета отождествлению с институциональной («преподавательской») философией. Внутри профессионального сообщества такого отождествления следует избегать. Его распространение ведет к еще более глубокой инфляции понятия «философ», чем та, с которой мы имеем дело сегодня.

Ситуация с философской идентичностью отличается от того, что происходит в других областях культуры (прежде всего, в искусстве). Возьмем, для примера, художественную литературу. В литературе как особой области культуры ее творцы и ее знатоки литературоведы (к которым примыкает сообщество литературных критиков-рецензентов) — это разные, хотя и связанные друг с другом сообщества. Писатели создают художественные произведения, а литературоведы их изучают, исследуют, преподают на филологических факультетах. Творцы литературы и ее «ведуны» образуют разные профессиональные сообщества. Писатели — это одно. Исследователи и педагоги — это другое. На личном, персональном уровне один и тот же человек может совмещать в себе и писателя-художника и исследователя, преподавателя (и в последние 30 лет в нашей стране такое случается все чаще). Но это все же не правило, а исключение. Литературу делают не на кафедрах, там ее *изучают и преподают*. С философией все иначе. С конца восемнадцатого века ее *и делают*¹⁹, и *изучают* в университетах²⁰. С этого, примерно, времени философы — это преподаватели и исследователи, опирающиеся на философскую методологию, и в то же время — творцы философии.

Соответственно иным оказывается и отношение членов профессионального сообщества к возможности бытования философии за ее пределами. Если теоретически допускается, что философы могут появиться за границами университетской корпорации, то практически (на уровне стереотипных ожиданий, реакций, оценок) исходят из того, что без профессиональной подготовки и работы в профессиональной среде философствующий индивид ничего кроме «самодела» создать не способен²¹.

¹⁹ Исключения бывали, но это именно исключения. В одних национальных традициях таких исключений было больше, в других — меньше. Бывают исторические периоды, когда философия еще не укоренилась на почве университетов и произрастает вольно, без академической регламентации. Так, например, было в России, где университеты появились поздно (во второй половине XVIII-го начале XIX-го веков) и творческая философия зарождалась и развивалась вне академических институций. Только с конца XIX-го столетия центр философской жизни в России смещается в университеты. В советский и постсоветский периоды эта ситуация упрочилась.

²⁰ Филологи, литературоведы (как видим, имеется особое слово для тех, кто изучает и преподаёт литературу в отличие от тех, кто ее создает) признают, что поэты и прозаики (писатели, беллетристы, литераторы) — это не ученые, не преподаватели, а люди, создающие художественные произведения.

²¹ Это, кстати, одна из излюбленных тем историков отечественной философии, измеряющих зрелость русской философии по степени ее профессионализации. До 70-х годов XIX-го века она характеризуется как «любительская», «незрелая», «непрофессиональная».

Отсюда (из университетской локализации философии) и те трудности, которые испытывают в плане самоидентификации «философы-с-кафедры»: каждого, кто преподает философию, философом не назовешь, но и исключить профессионалов философии из философского сообщества тоже невозможно (если это сделать, то и о сообществе говорить будет нельзя). Оригинальная философия сегодня может существовать при условии ее сохранения в структуре академических институтов (университетов, институтов академии наук), объединяющих под одной крышей тех, кто преподает философию, и тех, кто исходит из философских теорий в своих исследованиях или изучает ее историю. Только в этой профессиональной среде могут в наши дни формироваться люди, которые, по популярному сегодня выражению, способны «делать философию». Тот факт, что значительная часть философского сообщества отказывается именовать себя философами, отражает внутреннюю неоднородность философского сообщества. Разнородность сообщества, включающего в себя преподавателей, исследователей и собственно философов, идет на пользу как сообществу, так и философии.

2. **Contra.** Но можно посмотреть на тенденцию к уклонению от философской идентичности критически, можно увидеть в ней угрозу для дела философии, для ее будущего. Один из упреков в адрес современной русской философии, который звучит и изнутри сообщества, и с агоры, — это упрек в несамостоятельности, вторичности (по отношению к европейской мысли). Упрек (и со стороны сообщества, и со стороны образованного общества) состоит в том, что в российской философии мало философии, что ей недостает оригинальных мыслителей и идей. От философов ждут вопросов, задаваемых из того места и времени, которому все мы принадлежим, и ответов на них. Рассуждать «о» философских проблемах, которые ставились философами прошлых веков, необходимо, но не этого (не только этого) ожидают сегодня от философа. Философ углубляет и расширяет сознание и мышление, формирует новые смыслы, выявляет и продумывает не артикулированный в культуре опыт. Философ — тот, кто рискует. Тот, кто захвачен философским вопросом. Вопрос о признании не может быть для него главным вопросом. Он озабочен другим: ему надо «мысль разрешить». Аудитория философа может оказаться шире аудитории философа-специалиста (в том числе — историка философии), а может оказаться более узкой. Новое — именно потому, что оно новое, — принимается не сразу.

Кого считать философом? (Цель и результат)

Когда люди, институционально принадлежащие к сообществу, отказываются именовать себя «философами», это ослабляет их философский тонус. Ведь грань между тем, *кто намеревается посвятить себя философии* (стать философом) и *что-то для этого делает* (изучает философию, преподает ее, пишет философские тексты), и тем, *кто является философом на деле* (кого можно назвать *состоявшимся* философом), *проницаема*, неустойчива, подвижна как для внешнего наблюдателя, так и для того, кто выстраивает свою судьбу через артикуляцию своих отношений с философией. Устойчивость и определенность в оценке того, «кто философ, а кто — нет» (если речь идет не о формально-институциональной принадлежности, а об участии в надвременном

философском симпозионе), появляется уже после смерти того, кто при жизни «любил мудрость» (да и посмертная определенность устанавливается не сразу и не всегда обладает устойчивостью). А это значит, что при жизни «претендента» внешнее признание (всегда неполное, всегда колеблющееся) не может быть надежной опорой для философской самоидентичности.

Для себя и про себя у философа *всегда* остается сомнение. Едва ли не каждый философ знаком с мучительным ощущением собственного самозванства, время от времени его охватывает страх перед разоблачением. Он не может не ощущать себя самозванцем в ситуации, когда позиция философа не определена, неопределенна: пойдти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что... Истина — не есть «что», а потому «куда» за ней идти — не ясно. «Принести» (определить) ее тоже не получается и не получится. Ведь самое корректное ее определение апофатично (Истина — ничто, она — не что-то). Человек идет искать Истину, потому что *она его зовет*, манит (в этом смысле он *не* самозванец, его позвали, он *призван*, у него — *призвание*). Так он становится искателем Истины, осознавшим свое призвание, сделавшим выбор и закрепившим этот выбор в самоназвании (я — философ). Вступая в общение с другими людьми как философ, он понимает: знания Истины у него нет, Истину он не знает, но он знает, что ее нельзя знать так, как люди знают окружающие их вещи. Отсюда ощущение самозванства. Никакая «бумажка» (и никакое внешнее признание) не может удостоверить, что я двигаюсь к Истине, а не в сторону от нее... А раз я сам не уверен, что двигаюсь «туда, куда надо», то я готов к разоблачению и удивляюсь тому, что до сих пор меня еще не разоблачили. Философ готов к тому, что его будут оспаривать, поскольку считает себя не мудрецом, а тем, кто ищет Истину. Никто не знает наверняка, какие темы философские, а какие — нет, «кто из нас философ», а кто — нет. Думать, что тут что-то может гарантировать бумажка (диплом), — смешно²².

Вопрос о философской идентичности связан, с одной стороны, с внешней оценкой, а с другой — находится в измерении самосознания. Первая, как было показано, надежным критерием философской самоидентификации не является. Причем возможность идентифицировать кого-то как философа через внешнюю оценку (общественное признание) зависит от самосознания того, кого оценивают. Едва ли будет признан философом тот, кто не хочет им быть, кто не стремится (хотя бы «про себя») быть философом. Не будет признан таковым и тот, кто стремится к этому, но не выступает на философские темы, не пишет философских работ. Чтобы стать признанным философом, необходимо чувствовать себя философом (пусть не признанным) и «делать философию». Без деятельной «любви к мудрости» философского признания не получить.

²² Странный статус философского диплома хорошо обыгран в иронической фразе, которой любит парировать возражения коллег Марина Михайлова: «Почему это философы об этом не говорят? Я же философ. Могу и бумажку показать!» Фраза, конечно, с подтекстом: никто не знает, какие тексты и вопросы принадлежат, а какие не принадлежат к философии. Философия — это философы. А философы — кто? Диплом философом не делает. С другой стороны, никто, кроме философа и философов (участников симпозиона), не может сказать, что относится к философии, а что нет.

Тот, кто считает себя философом, ставит себя в ситуацию, когда метафизический опыт, который у него имеется (удивление Аристотеля, сомнение Декарта, страдание Майцены или иной опыт, в котором имеется «неизвлекаемый остаток», Другое), становится предметом *продумывания, осмысления* на языке философии. Этот опыт можно просто сохранить в памяти (яркое воспоминание), соизмеряя с ним иные впечатления, события, состояния, мысли. Его можно попытаться воспроизвести средствами искусства. Опознав в нем благодатное веяние Духа Святого, можно воздать молитвенную благодарность Господу... Но если человек желает осмыслить этот опыт на языке мысли, если он встал на путь его анализа, то он встал на философскую дорогу. Ему есть за чем изучать философию, размышлять над философскими проблемами, писать философские (по предмету, вопросу, языку) тексты. При этом вопрос о том, является ли то, что он делает, философией, не имеет однозначного ответа. Следовательно, основанием для ответа на вопрос об идентичности может быть само философствование, тяга к философствованию, захваченность философским вопрошанием.

Здесь важно, что выдвигается на первую позицию: *цель* или *достигнутый результат*? Если *на первый план выходит соотношение с философией как любовью к мудрости и принадлежность к кругу философов* определяется по *цели* и по направленности усилий (любовь к Истине, как и любая другая любовь, деятельна), то философская самоидентификация освобождается от давления внешней оценки. Тот, кто хочет заниматься философией не только как знанием (как «имеющимся знанием»), но и как творчеством и *предпринимает для этого определенные усилия* — имеет право называть себя философом. Вопрос «Действительно ли он философ?» философскому самосознанию мешать не должен, поскольку решить его (при жизни философствующего) все равно невозможно. Возможна лишь условная, всегда зыбкая поддержка совершаемых усилий со стороны общества, которая, конечно, важна и нужна, но которой всегда будет недостаточно. Образованное общество не может сказать определенно, что является философией, а что нет, когда речь идет о современности. Здесь просто образованным людям приходится обращаться к философам-профессионалам, у которых... ответа на этот вопрос тоже нет.

Каков же критерий принадлежности к сообществу философов? Соединение любви к истине с ее деятельным выражением (в речах и текстах). Не больше, но и не меньше.

Для философской идентичности *достаточно* соотношения собственных мыслительных усилий с «тем, что делают философы». Тот, кто поступил на философский факультет и стремится стать философом, вправе называть себя философом (философом-по-цели-учебы); такие студенты заметно отличаются от тех, кто, поступив на философский факультет, желает получить *гуманитарное образование*, кто внутренне не связывает себя философией. Впрочем, если рассматривать вопрос о философской идентичности в такой перспективе, **то любой человек, пишущий текст, который он сам считает философским («пишу философскую работу»), вправе называть себя философом.** Будет ли он признан таковым другими, в частности, «профессиональным сообществом» — это уже иной (хотя и важный) вопрос. И отрицательный ответ на него, и отсут-

ствии ответа не стоит рассматривать как препятствие для философской самоидентификации.

Тем более оправдана философская самоидентификация в том случае, если человек не только любит философию и стремится стать философом, но и работает на философской кафедре. Тут предмет любви и стремления (мудрость, истина) получает институциональное подкрепление, поскольку предполагает определенный уровень владения философской культурой, философским языком, общение с теми, кто профессионально занимается философией. Этого подкрепления вполне достаточно для того, чтобы, при наличии соответствующего желания, отбросив ложную скромность, назвать себя философом.

Не страшно, если большая часть из тех, кто именуется философами, не будет признана таковыми в обществе и сообществе. Но будущее философии в опасности, если очередь из притязавших на позицию философа резко сокращается... Не будет философов-самозванцев — не будет и философии. И пусть число *желающих заниматься философией*, творить философию никогда не сравняется с количеством людей, готовых работать на кафедрах университетов в качестве преподавателей. Там, где философия институционализирована, — это неизбежно. Другое дело — настроения, доминирующие в профессиональном сообществе. Эти настроения могут способствовать ориентации на творчество (на философию), а могут подталкивать к уклонению от философии в науку и/или в педагогику²³.

Вопрос, который нельзя замолчать...

Вся ответственность за судьбу философии в России лежит на философах-по-профессии. От этого сознания нам не уйти. Если это так, то как отнестись к практике уклонения от философской самоидентичности? Как она влияет на философскую жизнь?

Значение *просто философов* для большого общества и философского сообщества (даже в том случае, когда они поняты и приняты немногими) очень велико. Именно философы обеспечивают включенность философии в жизнь человека, общества и культуры, в формирование интеллектуальной «повестки дня».

Но может ли существовать оригинальная, самостоятельная философия там, где люди, «работающие философами», нацелены только на преподавание и/или гуманитарное исследование? Если недостает тех, кто готов отправиться «на линию огня», на «передовую» философского вопрошания, если отсутствуют те, кто переходит границу философии (того, что принято считать филосо-

²³ Сохранение профессиональных стандартов «вменяемого философствования», которым озабочена институциональная философия, — необходимая для «дела философии» работа. Охранительное настроение хранителей и знатоков оберегает философский сад от проникновения в него «сорных растений», от «доморощенной», «дикорастущей» философии. Но если в сообществе эти настроения доминируют, трудно ждать от философского сада «цветения» и «плодоношения». Воля к порядку позволяет сохранить уже имеющиеся в академическом саду растения и пользоваться приносимыми ими плодами, но жизнь старых деревьев таинственным образом связана с обновлением сада. Пришельцы вырастают под сенью старых деревьев и... предохраняют их от высыхания и бесплодия. Если новые деревья в саду не появляются, ему грозит смертельная опасность.

фией на данный момент), философия как предельное вопрошание не возобновляется. Но долго ли сможет просуществовать философия как элемент системы образования, если творческая философия сойдет на нет? Вопрос риторический. Ответ очевиден.

Хотя философов «по темпераменту» (как говорил М. Мамардашвили) в масштабах философского сообщества много быть не может, но их присутствие необходимо, без них философии *как живого феномена культуры не будет*. Присутствие «просто философов» предохраняет институциональную философию, транслирующую философские идеи в сфере образования и в гуманитарных исследованиях, от догматического окостенения, от превращения в «склад готовой продукции» (в склад понятий и текстов, созданных в прошлом).

Но откуда, из какой среды являются философы? Были времена, когда они заявляли о себе на рыночных площадях, в монастырях, в светских салонах. Сегодня таким местом остается университет.

Конечно, нельзя исключить, что в будущем социальный топос воспроизводства актуальной философии станет иным, а кафедры философии сосредоточатся на изучении и преподавании философии. Тем самым они превратятся в профессиональное объединение «философиеведов» (то есть исследователей и преподавателей философии), а актуальная философия будет существовать отдельно от них, в «других местах» (примерно так, как существуют сегодня вместе-и-раздельно, писатели и литературоведы, музыканты и музыковеды, художники и искусствоведы и т. д.). Но пока этого нет. И предпосылок для такого рода разделения не видно. Не понятно, как сможет существовать творческая философия вне философской школы сегодня. Ведь овладение философским языком и классическим наследием (философским знанием и техникой) требует специального образования, а создание философских трудов — свободного времени для созерцаний и размышлений, для создания текстов (последнего сегодня не хватает даже тем, кто работает на философских кафедрах) и площадок для общения с людьми, знающими толк в философских дискуссиях и обсуждениях...

Тенденция к заострению внимания на педагогической активности и поддержке исследовательской деятельности, подпадающей под «академический формат» (учитывающий статьи в ВАК-х журналах, рейтинги цитирования, исследовательские гранты и т. д.), поддерживается институциональной логикой системы высшего образования, не испытывающей (в качестве институции) нужды в философах. Вот почему на уровне сообщества необходимо предпринимать усилия по созданию атмосферы, в которой философская идентичность будет поощряться, а не подавляться.

Вместо заключения

Итак, в зависимости от осознания собственных целей, от оценки усилий по их реализации человек-с-кафедры может сознать себя философом, может не сознать себя им, а может *сознавать, но* по тем или иным причинам *уходить от признания себя философом «на людях»*. Обсуждаемый вопрос (аргументы «за» и «против» философской самоидентификации) имеет значение, прежде всего, для этой последней группы. Ясно, что люди, видящие в себе

историков философии, не назовут себя философами (и будут правы). Понятно, что позиция тех, кто занимается исследованием различных специальных тем и вопросов в методологической перспективе, задаваемой той или иной философской традицией, более чувствительна к возможности перехода от идентичности ученого-исследователя к идентичности философа. Но есть на кафедрах люди, которые «про себя» считают себя философами, но не решаются публично назвать себя философами. Именно на эту группу рассчитаны аргументы в пользу философствования «с открытым забралом». Проблема в том, что долго быть «философом про себя» не получается. Это только кажется, что в любой момент можно перейти из категории «исследователей» или «педагогов» в категорию философов. Чем дольше человек не ставит себя (публично!) в позицию философа, тем меньше вероятность, что когда-нибудь он на это решится, и еще меньше вероятность, что он успеет что-то в этом направлении сделать. При длительном ношении маска имеет свойство прирастать к лицу.

Что же необходимо для воспроизводства философии и философского творчества: тайный жар философской души («стремление к философствованию», которое прячут под маской «преподавателя» или «специалиста по...») или решительное манифестирование своих философских амбиций?

Я думаю, что для философского сообщества как целого и для будущего русской философии в частности предпочтительнее, чтобы *люди невысказанного желания* «вышли из тени», назвали себя теми, кем они желают быть, и стали бы действовать как философы. Выход на агору с открытым забралом кажется мне наилучшим решением, поскольку он способствует мобилизации усилий и претворению того, что заявлено, на деле, в жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гараджа Н.* Лишний билетик на философский пароход. URL: <http://www.russ.ru/culture/20040914.html> (дата обращения: 02.12. 2014).
2. *Гессе Г.* Игра в бисер : роман. — Москва : АСТ, 2004.
3. *Михайлова М. В.* Эстетика молчания: Молчание как апофатическая форма духовного опыта. — Санкт-Петербург : РХГА, 2009.
4. *Секацкий А. К.* Прикладная метафизика. — Санкт-Петербург : Амфора, 2005.
5. *Семенков В. Е.* Философское знание: модусы производства и признания. — Санкт-Петербург : Алетей, 2011.
6. *Пигров К. С.* Предисловие // Философское знание: модусы производства и признания / В. Е. Семенков. — Санкт-Петербург : Алетей, 2011. — С. 9–13.